

Том XXVII 2023

АРИСТЕЙ

ARISTEAS • VOL. XXVII • MMXXIII • MOSQVAE

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Журнал носит имя Аристея, греческого поэта VII или VI века до н. э., происходившего из города Проконнеса, который находился на одноименном острове в Мраморном море. По свидетельствам многих античных авторов, и прежде всего Геродота, Аристей первым посетил северо-восточную окраину известного тогда мира, т. е. побывал на территории современной Восточной Европы, и написал поэму под названием «Аримаспея», в которой рассказал о живущих там народах. Именно Аристей заложил историографическую традицию помещать севернее Понта Эвксинского (Черного моря) реальных и легендарных скифов и киммерийцев, затем исседонов, аримаспов, грифов и гипербореев, живущих уже на берегу Северного океана. На протяжении многих веков вплоть до Нового времени эти этногеографические представления о Восточной Европе, происходящие от Аристея, оставались доминирующими.

ARISTEAS • VOL. XXVII • MMXXIII

Университет Дмитрия Пожарского

ТОМ XXVII (2023)

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

Университет Дмитрия Пожарского
МОСКВА

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Учредитель журнала – Русский фонд содействия образованию и науке

Редакционный совет

М. фон Альбрехт (Гейдельбергский университет, Германия), Н.В. Брагинская (НИУ ВШЭ, Москва), С. Браунд (Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада), А.Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ, Москва), Е.Л. Ермолаева (СПб. государственный университет, Санкт-Петербург), А.В. Коптев (университет Тампере, Финляндия), А.Е. Кузнецов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), К.Г. Красухин (ИЯ РАН, Москва), А.В. Махлаюк (ННГУ, Нижний Новгород), В.Ф. Новодранова (МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Москва), С.Ю. Сапрыкин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИВИ РАН, Москва), О.В. Сидорович (НИУ ВШЭ, Москва), А. Страмалья (Университет Бари, Италия), И.Е. Суриков (ИВИ РАН, Москва), М. Финкельберг (Тель-Авивский университет, Израиль), Ю.А. Шичалин (ПСТГУ, Москва)

Editorial council

Michael von Albrecht (Universität Heidelberg, Germany), Nina V. Braginskaya (RSUH, HSE, Moscow), Susanna Braund (University of British Columbia, Vancouver, Canada), Andrey Yu. Vinogradov (HSE, Moscow), Elena L. Ermolaeva (St. Petersburg State University, St. Petersburg), Alexander V. Koptev (University of Tampere, Finland), Alexander E. Kuznetsov (Lomonosov MSU, Moscow), Konstantin G. Krasukhin (Iling of RAS, Moscow), Aleksander V. Makhlayuk (Lobachevsky State University, Nizniy Novgorod), Valentina F. Novodranova (Evdokimov MSMSU, Moscow), Sergey Yu. Saprykin (Lomonosov MSU, IWH of RAS, Moscow), Olga V. Sidorovitch (HSE, Moscow), Antonio Stramaglia (Università degli Studi di Bari Aldo Moro, Italia), Igor E. Surikov (IWH of RAS; Moscow), Margalit Finkelberg (Tel Aviv University, Israel), Yuri A. Shichalin (Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow)

Редакционная коллегия

А.В. Подосинов (главный редактор; ИВИ РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова), А.В. Белоусов (заместитель главного редактора; МГУ им. М.В. Ломоносова; РГГУ), С.А. Степанцов (ИМЛИ РАН), Г.С. Беликов (ответственный секретарь; МГУ им. М.В. Ломоносова); И.А. Макаров (ИВИ РАН; РГГУ), А.В. Мосолкин (МГУ им. М.В. Ломоносова), Б.М. Никольский (ИМЛИ РАН), В.В. Файер (НИУ ВШЭ), М.В. Шумилин (РАНХиГС; ИМЛИ РАН), Е.А. Щербакова (РАНХиГС)

Editorial board

Alexander V. Podossinov (Editor-in-Chief; IWH of RAS; Lomonosov MSU, Moscow), Alexey V. Belousov (assistant Editor-in-Chief; Lomonosov MSU, RSUH, Moscow), Sergey A. Stepantsov (assistant Editor-in-Chief; Institute of World Literature of RAS, Moscow), Grigory S. Belikov (executive secretary; Lomonosov MSU, Moscow), Igor A. Makarov (IWH of RAS, RSUH, Moscow), Alexey V. Mosolkin (Lomonosov MSU, Moscow), Boris V. Nikolsky (Institute of World Literature of RAS, Moscow), Vladimir V. Fayer (HSE, Moscow), Mikhail V. Shumilin (Institute of World Literature of RAS, RANEPА, Moscow), Elisaveta F. Sherbakova (RANEPА, Moscow)

На первой странице обложки – *Аттический краснофигурный килик. Гефест вручает Фетиде оружие для Ахилла. 490–480 гг. до н.э. Берлин. Altes Museum.*

Адрес издательства: 117246 Москва, Научный проезд, д. 8, с. 1, каб. 430

Сайт: aristeas.ru

Е-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

© Редколлегия журнала, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© А.В. Белоусова, дизайн и верстка, 2023

© Оформление, Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	5	
CONTENTS	7	
ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9	
ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ		
<i>Michael von Albrecht</i>		
Cicero ad colloquium evocatus	11	
СТАТЬИ		
<i>М.Г. Селезнев</i>		
Множественное число $\nu\beta\omicron\iota\iota$ в Септуагинте и переинтерпретация пророчеств Иер 31/38 греческим переводчиком	15	
<i>И.А. Ладынин</i>		
Общество Позднего Египта в свидетельствах древнегреческих авторов V–IV вв. до н.э.	28	
<i>И.П. Рушкин</i>		
Платейский закон о беге с оружием на Элевтериях и марафонское сражение	48	
<i>М.В. Шумилин</i>		
Заметки о Плинии Старшем	59	
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВИДЕТЕЛЬ ВЕКА: К 100-ЛЕТИЮ АЗЫ АЛИБЕКОВНЫ ТАХО-ГОДИ» (Москва, 26–28 октября 2022 г.)		70
<i>Н.К. Малинаускене</i>		
Обозначения света в эпосе Гомера: существительное $\phi\acute{\alpha}\omicron\varsigma/\phi\acute{\omicron}\omega\varsigma$ и родственные ему слова	72	
<i>О.А. Богданова</i>		
Функции гомеровских цитат в античных схолиях к поэме Гесиода «Теогония»	81	

Г.С. Земляков

**Путешествие по «пути Солнца» как смыслообразующий мотив
в философском эпосе Парменида100**

Е.В. Приходько

Понятие «оракул» как создание античной культуры116

Я.Л. Забудская

Трагические символы в «Энеиде» Вергилия131

И.В. Хорькова

Место numina в римском пантеоне144

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

О.П. Цыбенко

**Вселенский эпос «Одиссея» Н. Казандзакиса
и его итальянская предтеча Г. Д'Аннуцио155**

ХРОНИКА

Н.К. Малинаускене

**Международная научная конференция «Наследие трудов О.С. Широкова –
к 95-летию со дня рождения профессора МГУ Олега Сергеевича Широкова»
(Москва, 22 декабря 2022 года)178**

PERSONALIA

А.А. Синицын

PENTE KAI ПЕНТΗΚΟΝΤΑ: К юбилею антиковеда Харийса Туманса 185

IN MEMORIAM

Е.С. Федорова

Хрустальный голос. Памяти Людмилы Павловны Поняевой 194

СОКРАЩЕНИЯ198

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ199

CONTENTS

CONTENTS	7	
FOREWORD OF EDITOR-IN-CHIEF	9	
LATIN TODAY		
<i>Michael von Albrecht</i>		
Cicero ad colloquium evocatus	11	
ARTICLES		
<i>M.G. Seleznev</i>		
Plural νόμοι in the LXX and the reinterpretation of Jeremiah 31/38 by the Greek translator	15	
<i>I.A. Ladynin</i>		
The Late Egyptian Society as Seen by the Greek Authors of the 5th and the 4th Centuries B.C	28	
<i>I.P. Rushkin</i>		
Plataean Law on the Armed Race in the Eleutheria and the Battle of Marathon	48	
<i>M.V. Shumilin</i>		
Notes on Pliny the Elder	59	
PAPERS OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “WITNESS OF THE CENTURY: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF AZA ALIBEKOVNA TAHO-GODI” (Moscow, October 26–28, 2022).....		70
<i>N.K. Malinauskene</i>		
The designations of light in Homer’s epic: the noun φάος/φώως and related words	72	
<i>O.A. Bogdanova</i>		
Functions of Homeric quotations in the ancient scholia of Hesiod’s <i>Theogony</i>	81	
<i>G.S. Zemlyakov</i>		
The journey along the ‘path of the Sun’ as a semantic motif in the philosophical epos of Parmenides	100	

E.V. Prikhodko

The notion of “oracle” as the creation of ancient culture116

Ya.L. Zabudskaya

Tragic Symbols in Virgil’s *Aeneid*131

I.V. Khorkova

Place of numina in the roman pantheon144

CLASSICAL TRADITION

O.P. Tsybenko

**The ecumenical epic “Odyssey” by N. Kazantzakis
and his Italian forerunner G. D’Annunzio**155

CHRONICLE

N.K. Malinauskene

**International Scientific Conference “The Legacy of the works of O.S. Shirokov –
to the 95th anniversary of the birth of Professor of Moscow State University
Oleg Sergeevich Shirokov” (Moscow, December 22, 2022)**178

PERSONALIA

A.A. Sinitsyn

ΠΕΝΤΕ ΚΑΙ ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑ:

To the anniversary of the classicist Harijs Tumans 185

IN MEMORIAM

E.S. Fedorova

Crystal voice. In memory of Lyudmila Pavlovna Ponyaeva194

ABBREVIATIONS198

INFORMATION FOR AUTHORS199

LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

Дорогой читатель, надеюсь, этот том будет не менее интересен, чем предыдущие: здесь есть и живая (в смысле современная) латынь, и греко-библейская тематика, и греко-египетская, и сугубо греческая, и римская. Читатель найдет работы и по рукописной традиции древних авторов, и по античной философии, и по римской литературе и религии, и по рецепции античности в итальянской и новогреческой литературе. Как всегда, авторами выступают и молодые, только начинающие исследователи, и маститые ученые.

В этом томе мы продолжаем знакомить читателя с поэтическим творчеством нашего современника, выдающегося немецкого филолога-классика Михаэля фон Альбрехта, подготовившего книгу своих латинских стихотворений, в которой содержится 14 гексаметрических посланий или диалогов с великими римскими писателями от Цицерона до Августина (книга называется *Litterarum Latinarum lumina, colloquiis et epistulis evocata* (Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 2022)). Здесь мы публикуем первое «интервью», которое автор «берет» у Цицерона.

В разделе СТАТЬИ мы помещаем работу видного библеиста М.Г. Селезнева о том, как в греческой Септуагинте множественное число еврейского слова «закон» дает новую интерпретацию этого понятия, готовя тем самым почву для самосознания первых христиан. В статье одного из ведущих в нашей стране египтологов И.А. Ладынина рассматриваются сведения древнегреческих авторов о социальной организации Древнего Египта в их сопоставлении с историческими событиями в этой стране. Наш постоянный автор И.П. Рушкин анализирует закон о специфическом беге с оружием на Элевтериях, согласно которому, если победивший в этом беге станет участвовать в нем вновь и на этот раз проиграет, то его следует казнить. Рушкин приводит аргументы в пользу того, что закон был достаточно естественен и оснований для сомнений в нем нет, а также высказывает предположение о причинах его возникновения. М.В. Шумилин предлагает новые решения некоторых проблем текстологии Плиниевой «Естественной истории» – приводятся конъектуры трех мест текста. Исследования по текстологии произведений античных авторов, их рукописной традиции – большая редкость в отечественном антиковедении; работы Шумилина в этой области (некоторые из них публиковались в прошлых номерах «Аристея») заслуживают поэтому большого внимания и признания.

В октябре 2022 года в Москве в Доме Лосева прошла международная научная конференция «СВИДЕТЕЛЬ ВЕКА: К 100-ЛЕТИЮ АЗЫ АЛИБЕКОВНЫ ТАХО-ГОДИ». Некоторые доклады, прозвучавшие на этой конференции, мы, по договоренности с Оргкомитетом конференции, публикуем на страницах настоящего тома. Это статьи Н.К. Малинаускене (об обозначении света у Гомера), О.А. Богдановой (о цитировании Гомера в схолиях Гесиодовой «Теогонии»), Г.С. Землякова (о «путешествии по пути Солнца» у Парменида), Е.В. Приходько (о понятии «оракул» как создании античной культуры), Я.Л. Забудской (о трагических символах в «Энеиде» Вергилия), И.В. Хорьковой (о понятии *pimpe* в римской религии). Статьи представляют лишь небольшую часть докладов по античной истории и классической филологии, прозвучавших на этой замечательной конференции.

В разделе КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ О.П. Цыбенко публикует исследование грандиозного эпоса греческого писателя Н. Казандзакиса «Одиссея» и перевод поэмы об Одиссее его предшественника и предтечи итальянского поэта Г. Д'Аннунцио. Фигура Одиссея выступает в творчестве обоих авторов как знаковый персонаж, выражающий желание путешествовать, совершать открытия и познавать все, что только можно познать.

ХРОНИКА содержит информацию о Международной научной конференции «Наследие трудов О.С. Широкова – к 95-летию со дня рождения профессора МГУ Олега Сергеевича Широкова», которая прошла в Москве в декабре 2022 года. Автор хроники Н.К. Малинаускене – сама ученица О.С. Широкова, защитившая под его руководством кандидатскую диссертацию «Цветовые обозначения у Гомера» (1975 г.). Ее доклад на конференции в честь 100-летия А.А. Тахо-Годи, публикуемый здесь, – продолжение этой темы.

Юбилею известного латвийского историка-эллиниста Харийса Туманса (кстати, одного из авторов «Аристея») посвящен очерк А.А. Сеницына.

Том заканчивается мемориальной статьей Е.С. Федоровой о жизни и творчестве недавно ушедшей от нас классика-филолога МГУ Людмилы Павловны Поняевой (05.05.1928 – 18.03.2023). Людмила Павловна была любимым учителем многих поколений студентов отделения классической филологии филфака МГУ, в том числе моим учителем. Память о ней навсегда сохранится в наших сердцах.

Москва, март 2023 г.

*Главный редактор журнала
доктор исторических наук, проф.*

А.В. Подосинов

Вселенский эпос «Одиссея» Н. Казандзакиса и его итальянская предтеча Г. Д'Аннунцио

О.П. Цыбенко

athenaios@mail.ru

Независимый исследователь, Афины, Греция

Аннотация: Основное произведение Н. Казандзакиса историко-философский эпос «Одиссея» – результат осмысления всемирной истории на основе использования материала греческой мифологии при полном отходе и даже отказе от «национальной» идеи, характеризовавшей начальный период духовных исканий поэта-философа. Решающий перелом в мировоззрении Н. Казандзакиса произошел в 1922–1924 гг., во время пребывания писателя в Западной Европе (Париж, Вена, Берлин, Италия), когда у Н. Казандзакиса формируется «интеллектуальная» вера в его основополагающую Троицу, которая определила развитие человечества (Будда, Христос и Ленин). Как следствие этого перелома после возвращения на Крит (1924) Н. Казандзакис обращается к попыткам практического познания коммунистической идеи, которая реализуется в России, а в художественном творчестве – к новому эпическому осмыслению мифа об Одиссее в ключе вселенскости.

Среди литераторов-современников, оказавших заметное влияние на творчество Н. Казандзакиса, одно из первых мест принадлежит Габриэле Д'Аннунцио, который наряду с некоторыми другими литераторами и философами XX в. стал для Н. Казандзакиса одним из выдающихся мастеров художественного слова; через него он воспринял теории героического пессимизма, интуиции и витализма. Одним из предтеч Одиссея в эпосе Н. Казандзакиса стал Одиссей Д'Аннунцио. Это тип «опьяненного горизонтами» Одиссея, ярчайшее выражение которого в мировой литературе представлено в XXVI canto «Ада» Данте, ставшем «точкой отсчета» для Одиссея Н. Казандзакиса в сюжетном плане.

Ключевые слова: Н. Казандзакис, историко-философский эпос, «Одиссея», греческая мифология, Россия, вселенскость, Г. Д'Аннунцио, героический пессимизм, витализм, «Ад» (XXVI canto), Данте

Для цитирования: Цыбенко О.П. Вселенский эпос «Одиссея» Н. Казандзакиса и его итальянская предтеча Г. Д’Аннунцио. *Аристей XXVII* (2023): 155–177.

The ecumenical epic “Odyssey” by N. Kazantzakis
and his Italian forerunner G. D’Annunzio

O.P. Tsybenko

athenaios@mail.ru

Independent researcher, Athens, Greece

Abstract: The main work of N. Kazantzakis, the historical and philosophical epic “Odyssey”, is the result of comprehending world history based on the use of material from Greek mythology, with a complete departure and even rejection of the “national” idea that characterized the initial period of the poet-philosopher’s spiritual quest. The decisive turning point in N. Kazantzakis’ worldview occurred in 1922–1924, during the writer’s stay in Western Europe (Paris, Vienna, Berlin, Italy), when N. Kazantzakis formed an “intellectual” faith in his fundamental Trinity, which determined the development of mankind (Buddha, Christ and Lenin). As a consequence of this turning point, after returning to Crete (1924), N. Kazantzakis turns to attempts at practical knowledge of the communist idea, which is being implemented in Russia, and in artistic creativity – to a new epic understanding of the myth of Odysseus in the key of ecumenical universality.

Among the contemporary writers who had a noticeable influence on the work of N. Kazantzakis, one of the first places belongs to Gabriele D’Annunzio, who, along with some other writers and philosophers of the twentieth century, became for N. Kazantzakis one of the outstanding masters of the artistic word, through whom he adopted the theories of heroic pessimism, intuition and vitalism. One of the forerunners of Odysseus in the epic by N. Kazantzakis was Odysseus D’Annunzio. This is the type of Odysseus “drunk with horizons”, the brightest expression of which in world literature is presented in the XXVI canto of “Inferno” by Dante, which became the “starting point” for Odysseus by N. Kazantzakis in the plot plan.

Keywords: N. Kazantzakis, historical and philosophical epic, “Odyssey”, Greek mythology, Russia, ecumenical universality, G. D’Annunzio, heroic pessimism, vitalism, “Inferno” (XXVI canto), Dante

To cite this article: Tsybenko O.P. The ecumenical epic “Odyssey” by N. Kazantzakis and his Italian forerunner G. D’Annunzio. *Aristeas XXVII* (2023): 155–177.

Исходной идеей, ставшей основой настоящей публикации, явилось исследование самого масштабного эпоса XX века – поэмы Н. Казандзакиса «Одиссея» (33.333 семнадцатисложника), выходящей далеко за пределы не только античных гомеровских и послегомеровских сюжетов (в смысле и са-

мой истории Одиссея в мифологическом мире Древней Греции, и ее разработок в античной литературе), но и их более поздних разработок. Сразу же подчеркнем то обстоятельство, что Н. Казандзакис не стремился стать национальным Поэтом¹ (слово Поэт мы употребляем в его исконном, более широком и возвышенном смысле – Творец): его творческий путь, сами обстоятельства его жизни, проведенной по большей части за пределами Греции, и преимущественно европейское философское образование (и самообразование) относительно рано² привели его к тому мироощущению, в котором, несмотря на его ярко выраженный греческий и, более того, – местный, критский колорит, вселенскость явно преобладает над национальным.

Первое обращение Н. Казандзакиса к одному из самых любимых его образов (и, безусловно, одному из самых значимых, если не к самому значимому, как считал сам писатель), к образу гомеровского Одиссея, имело место в первый период его творчества, который приходится на 1912–1922 гг. Это был период т. н. «аристократического национализма»³, когда Н. Казандзакис отправился в поездку сначала в твердыню византизма и православия – на Афон (вместе с выдающимся греческим поэтом А. Сикельяносом), а затем по знаковым местам Древней Греции с целью постижения «идеи Нации». В этот период Н. Казандзакисом были написаны три трагедии на сюжеты, отделенные друг от друга временной дистанцией величиной около тысячелетия и в некотором смысле перекликающиеся в своей целостности с идеей единства греческой истории⁴:

¹ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής και το Ποίημα της «Οδύσσειας»* (Π. Превелакис, «Поэт и поэма «Одиссеи»). Αθήνα: «Εστία», 1958, σελ. 70: «Κазандзакис лишен тщеславия стать национальным поэтом: ему достаточно быть Поэтом, поскольку Поэзия без всякого эпитета составляет высший вклад в национальное наследие».

² Н. Казандзакис родился в 1883 г. на Крите, в городе Гераклейоне (прежние названия – Хандак и Мегало Кастро). Окончательное формирование идеи создания эпоса об Одиссее произошло в 1924 г. опять-таки на Крите после длительного пребывания Поэта в Западной Европе.

³ Таково определение, данное Π. Превелакисом в отношении «политических идей, если не мировоззрения Казандзакиса вообще» (Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 21). Это был переломный период в новогреческой истории: в 1912 г. начались Балканские войны, в 1922 г. произошла «малоазиатская катастрофа», знаменовавшая крушение т. н. Великой идеи («восстановления») Греции в пределах Византийской империи). Отношение Н. Казандзакиса к идее единой греческой истории четко высказано им в первой и последней главах сборника эссе «Путешествия: Морея»: «Лицо Греции – палимпсест из двенадцати основных пластов текста». Сборник составляют очерки, написанные Н. Казандзакисом во время его поездки на Пелопоннес (Морея – средневековое название) в 1937 г. и опубликованные в афинской газете «Кафимерини» (7 ноября – 15 декабря 1937 г.), а затем посмертно под общим заголовком «Морея» в книге о путешествиях по странам Ближнего Востока (1961).

⁴ Идея триединства греческой истории (древняя, средневековая и новогреческая история) была сформулирована в «окончательном», систематическом виде в XIX в. истори-

«Никифор Фока», изданный в виде книги в 1927 г., «Одиссей» и «Христос» – в 1928 г. (все три произведения в афинском издательстве «Στοχαστήρ»)⁵.

Трагедия «Одиссей» была опубликована впервые в журнале «Νέα Ζωή» («Новая Жизнь») в Александрии (номера 1 и 2 за 1922–1923 гг.) под псевдонимом «А. Геранос»⁶. Это была первая трагедия Н. Казандзакиса. «Я рад, что “Одиссея” начали печатать. Я очень люблю его, потому что он вышел из моего нутра после многолетнего молчания и, как гласит Писание, “διήνοιξε την μήτραν”»⁷.

Сюжет трагедии «Одиссей» взят полностью из гомеровской поэмы, причем именно в той ее части, где герой уже возвратился на родину и осуществляет месть женихам, т. е. сюжет отображает самое существенное ядро гомеровской поэмы – соответствие «Одиссее» с некоторыми воспоминаниями о странствиях Одиссея в экзотическом мире, а также о посещении Елены и Менелая Телемахом. Н. Казандзакис написал свою трагедию «под сильнейшим влиянием “Лука Одиссея” Г. Гауптмана (1912–1913)»⁸, он, несомненно, проявляет склонность к гомеровскому герою, однако ни обновил, ни расширил тему: никто не сумел сделать вывод о степени тождества поэта с мифическим образом или о природе его нового символизма»⁹.

Решающий перелом в мировоззрении Н. Казандзакиса произошел в 1922–1924 гг., во время пребывания писателя в Вене, а затем в Берлине с эпилогом, которым стало путешествие по Италии. «Аристократический национализм» и поиски сущности эллинского мировосприятия, характеризующие начальный

ками К. Папарригопулосом и Сп. Замбелиосом (т. н. «Диоскурами»).

⁵ В тот же период Н. Казандзакис написал также трагедию «Геракл» (1920), которую затем уничтожил.

⁶ В ранний период творчества Н. Казандзакиса его произведения выходили под различными псевдонимами, имеющими определенный символический смысл. «Геранос» («Журавль»; возможно, символ дальних странствий) – один из наиболее значимых псевдонимов писателя: в частности, под таким именем Н. Казандзакис выступает в романе «Тода Раба», сюжетом которого стала поездка писателя по СССР.

⁷ Письмо Н. Казандзакиса П. Превелакису из Киева 25 мая 1928 г. «διήνοιξε την μήτραν» в традиционном русском переводе: «Один только Он разверз ложесна». Цитата из Иоанна Златоуста с аллюзией к Евангелию от Луки (2: 23) («Слово о сретении Господа нашего Иисуса Христа»: «Итак, это слово, и весь закон, и причина закона – все полагалось ради Имевшего разверзть ложесна. Все первородные существа из животных и людей никогда не разверзали ложесн, но были только первородными. Кого же родила Дева? Один только Он разверз ложесна»).

⁸ О «Луке Одиссея» см., например, Луначарский А. Последние пьесы Г. Гауптмана // *Современник*. 1922. Кн. 1; Шарыпина Т.А. Немецкоязычная драма в предчувствии войны (Г. Гауптман «Лук Одиссея», 1912–1913; Ф. Верфель «Троянки», 1912–1914 г.; Ф. Браун «Тантал», 1915–1916) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2(2). 2014. С. 29–31.

⁹ Прεβελάκη Π. Ο Ποιητής, σελ. 97.

период духовного развития и художественного творчества Н. Казандзакиса, приводят его к мироощущению вселенскости как в пространственном, так и во временном (= историческом) смысле. Именно в 1922–1924 гг. у Н. Казандзакиса формируется «интеллектуальная» вера в его основополагающую Троицу, которой становятся Будда, Христос и Ленин¹⁰. Как следствие этого перелома после возвращения на родной Крит 5 июля 1924 г. Н. Казандзакис обращается в «действии» (πράξη) к неудачному опыту по созданию местной коммунистической партии, готовясь к путешествию в реализующийся идеальный мир – Россию, а в художественном творчестве – к новому эпическому осмыслению мифа об Одиссее в ключе вселенскости и к написанию первых шести рапсодий своей грандиозной «Одиссеей», которую считал единственным существенным произведением своей жизни¹¹.

Сюжетно «Одиссея» Н. Казандзакиса построена на вдохновленном реконструкциями материале из истории древнего мира, вошедшем в моду после великих археологических открытий конца XIX – начала XX в. (прежде всего крито-микенской культуры и переосмысливаемых африканских культур)¹², однако

¹⁰ Приход Н. Казандзакиса к своей «классической» троице «сирен» был весьма специфическим и шел не только через теоретическое осмысление, но и в еще большей степени через чувственное восприятие. В особенности это происходило через его эротизм (в том числе подавление и освобождение плотской чувственности, ярко описанной в автобиографическом романе «Отчет перед Эль Греко»), а марксизм он воспринимал в его современном действенном выражении через эмоционально насыщенные образы «сирен» – Ленина, Троцкого и Сталина – и (пока что воображаемого в тот период) построения «нового мира» в Советской России. Отметим здесь, что марксизм воспринимался Н. Казандзакисом не столько как теория, сколько как *действие* (πράξη). Наряду с «тремя сиренами», в указанный период Н. Казандзакис испытывает очарование и других образов, получивших яркое отображение в его творчестве, но не ставших его «сиренами», – прежде всего Гете в связи с посещением Goethe-Schloss перед отъездом из Германии (вспомним, что Н. Казандзакис был переводчиком «Фауста») и святого Франциска в связи с пребыванием в Ассизе (перевод знаменитой биографии святого Франциска, написанной И. Йоргенсенем, и оригинальный роман «Бедняжка Божий»).

¹¹ «Когда 5 июля 1924 г. он приехал на Крит, два совершенно противоположных намерения волновали его душу: встретиться с руководителями КПГ в надежде предложить им свой опыт и уединиться где-нибудь в полном одиночестве, открыть плотину и дать излиться рекой «Одиссее», в которой ему уже грозила опасность захлебнуться», – вспоминает жена Н. Казандзакиса Елена (Καζαντζάκη Ε. Νίκος Καζαντζάκη: Ο Αουμβίβατος, 2^η έκδοση. Αθήνα: Εκδόσεις Ε. Καζαντζάκη, 1983, σελ. 26).

¹² Сюда же относятся разного рода художественные и научно-утопические разработки традиции об Атлантиде. Упомянем хотя бы появившиеся в русской культуре произведения «Учителя учителей» В. Брюсова (1917) и «Первые шаги философии» священника Павла Флоренского (1910–1917). Отметим здесь особо вышедший еще в 1890 г. чисто приключенческий роман, написанный классиком приключенческого жанра Г. Р. Хаггартом в соавторстве со знатоком древнего мира – историком, этнографом и переводчиком Гомера и гомеровских гимнов Э. Лэнгом «*The World's Desire*» (в

в смысловом плане она представляет собой результат историософских исканий философа, ставшего литератором и пытающегося отобразить глобальные исторические процессы именно своей эпохи (прежде всего европейского кризиса до и после первой мировой войны и революционных устремлений в России и в странах Западной Европы).

Н. Казандзакис не был философствующим писателем: он был философом, обратившимся к литературе. Философские основы его мировоззрения и его художественного творчества были заложены прежде всего изучением наследия Фр. Ницше, с которым он в некотором смысле отождествлял себя, считая его своим «alter ego», а также трудами А. Бергсона, лекции которого слушал, изучая юриспруденцию в Париже. Впрочем, идейные искания Н. Казандзакиса не ограничились трудами двух этих выдающихся философов, пользовавшихся огромной славой в современную ему эпоху¹³. О Фр. Ницше Н. Казандзакис писал, что он заключает в себе «все беспокойство и антиномию нашей бурной эпохи, всю танталову жажду истины», и эти же слова вполне применимы и к самому Поэту «Одиссеи».

Подчеркнем при этом, что, кроме философии в узком смысле этого слова, Н. Казандзакис жадно впитывал в себя ту философию, которой в той или иной степени была насыщена вся современная (и не только современная) художественная мысль. Именно мысль, а не просто «искусство слова» (одно из обозначений литературы в современном греческом), поскольку в каждом произведении так называемой «художественной литературы» Н. Казандзакис искал именно идею. А духовное творчество (в это понятие мы включаем прежде всего нередко взаимосвязанные философские и «литературные» произведения) человечества, ставшее материалом в «мастерской» Н. Казандзакиса (он неоднократно обращается к этому понятию) охватывает огромный материал человеческой мысли – от словесности Древнего Востока и Гомера вплоть до современных мыслителей теоретического и художественного слова, с кото-

русском переводе «*Мечта мира*»), сюжетно очень напоминающий «египетскую» часть «Одиссеи» Н. Казандзакиса.

¹³ Фр. Ницше и А. Бергсона Н. Казандзакис сам упоминает в автобиографическом романе «Отчет перед Эль Греко». На столь значительную роль Уильяма Джеймса (равно как и Будды) указывает П. Превелакис. Упомянем в этой связи хотя бы то обстоятельство, что Н. Казандзакис был переводчиком трудов ряда выдающихся представителей философской и научной мысли, в том числе Платона, Н. Макиавелли, Фр. Ницше, А. Бергсона, Ч. Дарвина, а также таких шедевров мировой литературы, как обе поэмы Гомера, «Божественная Комедия» Данте, «Фауст» Гете, «Отелло» Шекспира, Метерлинка, современных испанских поэтов. Об интересе Н. Казандзакиса к литературе как таковой может свидетельствовать также то обстоятельство, что ему принадлежит авторство «Истории русской литературы», написанной, однако, на основании иноязычных источников.

рыми Поэт «Одиссеи» общался непосредственно (упомянем хотя бы Ф. Маринетти, М. Унамуно, Х. Хименеса, С. Цвейга, И. Йоргенсена, А. Швейцера, М. Горького, Н. Клюева).

Таков был многовековой духовный мир вселенскости, из которого вышел его новый Одиссей как alter ego самого Поэта, а его эпос «Одиссея» стал *пересмыслением* (главным образом историософским) всего прежнего мироощущения Н. Казандзакиса.

Как сам Н. Казандзакис не был «национальным» Поэтом, так и герой его эпоса не был героем «национальным», но героем, ставшим отображением своей эпохи и, если угодно, героем, подводящим итог мировоззренческим исканиям своей эпохи, да и минувших эпох тоже. Это был Бунтарь (Αντάρτης), утративший свои корни (а вернее, добровольно отрекшийся от своих корней), Изгнанник (Ξεριζωμένος), Одинокий (Μονιάς). Поле деятельности (точнее Борьбы Αγώνας) для Н. Казандзакиса не ограничивается пределами его родины: это вся земля, весь «Земной Шар», по которому его Одиссей (как и другие его герои) движется в полном одиночестве, испытывая ощущение бездомности, возбужденности своего «я» и особой Разочарованности и Отчаяния. Оба последних русских слова выражает единое греческое понятие Απελπίοια, которое Н. Казандзакис любил называть также испанским словом Desesperación, называя самого себя Desperado, что было еще одним из способов самоотождествления с Ницше¹⁴.

«Слово desperado, – дает пояснение П. Превелакис – вошло без каких-либо проволочек в современный лексикон и было признано новым “дитем века”. Этот любящий опасности пират, у которого “нет ни нации, ни короля, ни флага”, действительно, встречается, если и не целиком, то, по крайней мере, фрагментировано, в современной психологии. Он – отпрыск века разложения, дитя неверия, порождение обеспокоенности абсурдным веком. Тень его блуждает в произведениях писателей нашего времени – Мальро, Сартра, Германа Гессе, Эрнста Юнгера, Т. С. Элиота и др. У desperado есть что-то от души Донкихота, но нет его доверчивости. Он – раскрывший глаза любовник химер. Он страдает манией величия, но без утвердившейся материи для своей мании. Он – герой, но презирающий награды. Бескорыстие его действий порицает творящую до-

¹⁴ Этот испанский термин, бывший обозначением пиратов XVI в., С. Цвейг использовал для определения того ощущения отчаяния, в котором пребывал в своих отношениях с окружающим его миром Фр. Ницше. И три великие «сирены», очаровавшие Н. Казандзакиса, – тоже отчаявшиеся и дающие не только надежду, но безнадежность отчаяния – тоже desperados («Христос, Будда и Ленин, три любимых великих корсара моей жизни, не исчезли, но мерцали в полумраке памяти, словно декоративные иероглифы с высоким, уже устаревшим смыслом» – «Отчет перед Эль Греко», глава 30: «Когда зерно “Одиссеи” прорастало во мне»).

бродетель героя в античном смысле. Его героизм – нигилистский: он не закладывает основ, не строит, не воздает обществу. Он – возбужденное “я”, возгорание сущности человеческой, бунт против обычаев, вызов поклоняющимся... Без типа *desperado* было бы трудно дать характеристику новому Одиссею»¹⁵.

И еще одно испанское слово стало существенной действенной самохарактеристикой Н. Казандзакиса – восклицание «*La Obra!*» (Труд!), услышанное им некогда из уст Х. Хименеса, которым Н. Казандзакис побуждал себя к действию¹⁶.

* * *

Среди литераторов-современников, оказавших заметное влияние на творчество Н. Казандзакиса, одно из первых мест принадлежит Габриэле Д'Аннунцио. Наряду с Морисом Барресом, Полем Клоделем и Шарлем Пегги, Д'Аннунцио стал для Н. Казандзакиса одним из тех выдающихся мастеров художественного слова, через которых он воспринял от Фр. Ницше, А. Бергсона и Уильяма Джеймса теории героического пессимизма, интуиции и витализма¹⁷.

Сильнейшее влияние Г. Д'Аннунцио прослеживается в одном из первых произведений Н. Казандзакиса – эротической повести «Змея и Лилия» (1907)¹⁸. Это влияние прослеживается «как в декорации слова, так и в мировоззрении героя: возбужденный эротизм, апофеоз добровольной смерти, культивирования эстетизма и романтический культ “я”»¹⁹. Кроме изысканно декорированного слова, влияние Д'Аннунцио на мировосприятие Н. Казандзакиса прослеживается в самом принципе нарушения эротического инстинкта, ставшего одним из основных в его творчестве, «причем самым подходящим, чтобы питать и при этом обманывать психоанализ. Мужчина убивает (и в прямом, и в переносном смысле) женщину, чтобы полностью посвятить себя Канону (“Правилу”). Герой “Змеи и лилии” положил начало жертвенности, когда увлек любящую его

¹⁵ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 102. Кроме своего собственного объяснения этого понятия, П. Превелакис приводит также пространную цитату из произведения С. Цвейга «Борьба с демоном. Фридрих Ницше». Глава «Донжуан Познания».

¹⁶ Это восклицание мы услышим и в стихах Г. Д'Аннунцио об Одиссее (*Sol quella ricever potrebbe / da te Odisseo / che a sé prega la morte nell'atto = Получить ее лишь согласится / Одиссей, из рук твоих приемля: / в действии себе он смерти просит.*)

¹⁷ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 38.

¹⁸ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 19. Замечательно, что повесть «Змея и лилия» Н. Казандзакиса, известный особым своеобразием в использовании греческого языка (его нередко упрекают в вычурном использовании народного языка и особых неологизмов), написал на изысканном архаизированном «книжном» и несколько искусственном языке («кафаревусе»), что в принципе напоминает изысканность несколько декоративного итальянского языка Д'Аннунцио.

¹⁹ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 19.

женщину на добровольную смерть. В своем коварстве он сошел с ума из-за невозможности душ к совершенному общению, подражая здесь Джорджио Ауриспа – персонажу из “Торжества смерти” Д’Аннунцио (“Trionfo della morte”, 1894), который безумно стремился войти в подсознание своей возлюбленной Ипполиты»²⁰.

Согласно П. Превелакису, который ссылается на классическое исследование У.Б. Станфорда «Тема Улисса: Исследование по адаптации традиционного героя» (1954), одним из предтеч Одиссея в эпосе Н. Казандзакиса стал Одиссей Д’Аннунцио²¹. «Два типа вдохновляли поэтов: с одной стороны, это но-стальгирующий герой, с другой – неизлечимый странник по всему миру. Первого, который есть создание Гомера, можно встретить у Овидия, Дю Белле²² и некоторых других. Второй, опьяненный горизонтами, тоже появляется уже в античности, а позднее вдохновляет Данте, Теннисона, Пасколи, Д’Аннунцио... Это в основном романтическое восприятие героя Одиссея, которое дало кое-что также Байрону и Ницше, а также Фаусту и Колумбу»²³. Впрочем, предтеча не значит прообраз. «Из воплощений послегомеровского Одиссея, представленных У.Б. Станфордом, некоторое влияние на фантазию Казандзакиса могли оказать только Одиссей Данте в XXVI canto (песне) ”Ада”²⁴ и “Улисс” Теннисона²⁵».

²⁰ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 58. Отречение героя от любимой (и любящей) женщины ради некоей высшей цели прослеживается во многих произведениях Н. Казандзакиса. В интересующей нас теме «Одиссеи» таковыми «пожертвованными» любящими женщинами являются Пенелопа, Елена и критская царица Диктинна (последняя – образ, созданный Н. Казандзакисом).

²¹ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 98. Stanford W.B. *The Ulysses Theme: A Study in the Adaptability of a Traditional Hero*. Oxford, 1955 (second ed. Putnam, Conn. 1993).

²² Сонет СXXX французского (франкоязычного и латиноязычного) поэта XVI в. Жюашена Дю Белле стал исходным пунктом и эпиграфом при написании стихотворения «По поводу одного чужого стиха» другого выдающегося греческого поэта XX века Й. Сефериса, где Одиссей выступает как предок-символ эллинизма. См. *Αρυστή* XXV (2022): 214–216.

²³ Stanford W.B. *The Ulysses Theme*.

²⁴ Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 98. При этом П. Превелакис указывает, что источником дантовской версии могли быть римские авторы Плиний и Солин (Преβελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 303, σημ. 124). О возможных историко-географических источниках дантовского сообщения о выходе Одиссея за Геракловы Столбы и его плавании в южных морях, где герой видит Южный Крест см., например, Хенниг Р. *Неведомые земли*. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1962, глава 136: «Данте узнал о созвездии Южного Креста (около 1318 г.)».

²⁵ «Улисс» А. Теннисона (написание – 1833 г., публикация – 1842 г.) пользовался огромной популярностью в Англии и за ее пределами, став «хрестоматийным» и обязательным для изучения в английских школах конца XIX и начала XX в., будучи созвучен официальной идеологии, направленной на расширение Британской империи. На рус-

Не знаю, насколько справедливо замечание П. Превелакиса (У.Б. Станфорда). Одиссей Данте не возвращается на Итаку. После того, как он спасся от Цирцеи, пылкое желание узнать мир заставляет его отправиться за Столбы Геракла, то есть за пределы человеческого дерзания, выйти с немногими товарищами в океан и отправиться на юг. Двигаясь на юг, он плывет пять лун и удаляется увидеть «звезды другого неба», после чего его корабль оказывается у огромной горы и исчезает там в морском водовороте. «Подчеркивать значение этого мифологического ядра для огромного произведения Казандзакиса излишне», – отмечает П. Превелакис²⁶, однако единственное, в чем эпос Н. Казандзакиса повторяет версию Данте – это движение Одиссея на юг. Одиссей Н. Казандзакиса возвращается на Итаку, где испытывает разочарование своей родиной и только затем отправляется на юг, но через Крит, Египет и материковую Африку: он движется к Южному полюсу и оканчивает жизнь на огромной «ледяной горе» – айсберге.

Более справедливо рассуждение П. Превелакиса относительно «Улисса» А. Теннисона²⁷. «Ему тоже тесно на своем острове, он презирает свой народ, который “богатеет и спит, и ест, и о нем не знает”. Этот Одиссей тоже “наслаждался широко и страдает широко”, желает “испить всю жизнь до дна”, “сердце его ненасытимо”. Он познал города людей, но “не менее самого себя”, которого считает “частью от всего, что повстречал”. Он изголодался по новым приключениям, желает “сиять от действия”, спасти как можно больше часов от “вечного молчанья”. Он горит желаньем “последовать за знаньем, словно падающая звезда, за крайние пределы мысли человеческой”, желает “чего-то еще до конца”, “некоего свершения с благородным смыслом”, “некоего нового мира”. Наконец, этот Одиссей, как и его товарищи, обладает “свободным сердцем и свободным челом” и героическим желанием “бороться и искать, найти и не сдаваться (*To strive, to seek, to find, and not to yield*)”²⁸.

ский язык это стихотворение переведено К. Бальмонтом (1908), а затем Г. Кружковым. К. Бальмонт опубликовал свой перевод «Улисса» в составе статьи «Завет воли», где опубликован также отрывок из другого исполненного безнадёжности (согласно оценке К. Бальмонта) стихотворения А. Теннисона с сюжетом из «Одиссеи» «Вкушающие лотос». Относительно «Улисса» К. Бальмонт пишет: «У Теннисона есть еще ... прекрасная поэма, в которой он выразил это другое, действительное очарование волевого начала творящей души. С находчивостью проникновенного художника он выбрал для этой поэмы лик неутомимого мореходца Улисса. Сын народа, покорившего моря, Теннисон не мог выбрать лучше».

²⁶ Превελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 98.

²⁷ Превελάκη Π. *Ο Ποιητής*, σελ. 99.

²⁸ Такова характеристика, данная П. Превелакисом (с. 99) и У.Б. Станфордом. В качестве образца такого героико-романтического отношения к жизни в античности П. Превелакис приводит цитату из Первой Олимпийской оды (129–135) Пиндара.

* * *

Посмертная (вернее бессмертная) слава несправедливо или во всяком случае весьма своеобразно поступила с Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938): об этом одном из крупнейших писателей, поэтов и драматургов Италии, занимавшем исключительное место в итальянской литературе в период около 1889–1910 гг., своего рода символе итальянского Декаданса, вспоминают главным образом либо как о экстраординарном политике авантюристического склада в связи с из ряда вон выходящей «авантюрой» Фьюме 1919–1924 гг., либо как о непревзойденном сердцеде, кумире слабого пола в относительно близкой нам реальной истории XX в. Последующие литературные вкусы и тенденции, равно как и политические оценки, делают творчество Д'Аннунцио всего лишь декором, на фоне которого происходили его политические и любовные похождения. Некогда «Пророк» и «Певец» (оба эти понятия включает латинское *Vates*, ставшее как и в своем изначальном латинском виде, так и итализированном *Vate* титулом Д'Аннунцио), бывший исключительным и последним выразителем продолжительной традиции итальянской поэзии, главой Королевской Академии наук, превратился в экзотический культурный анахронизм с забавной кличкой «Крылатый Циклоп»²⁹.

* * *

Стихи об Одиссее, русский перевод которых предлагается ниже читателю, составляют большую часть IV раздела³⁰ поэтического сборника «Майя: Восхваление жизни» (*Maia: Laus Vitae*). В свою очередь, сборник «Майя» был задуман как одна из семи частей поэтического ряда (гепталогии) под общим названием «*Laudi del cielo, del mare, della terra e degli eroi*» («Восхваления неба, моря, земли и героев»). Творческий замысел Д'Аннунцио предполагал

Последняя строка стихотворения А. Теннисона стала крылатым выражением. Она является девизом многих учебных заведений, а также Олимпийских и Паролимпийских игр 2012 г. в Лондоне. Перефразированная, в качестве лейтмотива эта строка вошла в оперу «Улисс» Луиджи Даллапикколы. Последние три строчки «Улисса» высечены на памятном кресте, установленном на полуострове Хайт-Пойнт в честь полярного исследователя Роберта Скотта и его товарищей, погибших в 1912 г. во время обратного пути с Южного полюса, что в силу замечательного совпадения перекликается с окончанием «Одиссеи» Н. Казандзакиса.

²⁹ Шварц Е. *Габриэле Д'Аннунцио. Крылатый циклоп*. СПб.: «Вита Нова», 2010.

³⁰ Содержание оставшейся части раздела носит сугубо личный характер: поэт вспоминает о своем детстве, сестрах и матери, предаваясь ностальгии по родине, перекликаясь тем самым с чувствами, которые должен был испытывать Одиссей при возвращении на Итаку, и представляя собой таким образом еще одно отождествление поэта со своим героем, дополняющее отождествление отрешенного от мира человека в нищенском духе.

создание семи сборников, что соответствовало бы семи звездам созвездия Плеяд, то есть нимф-дочерей Атланта, однако был осуществлен лишь частично: в свет вышли только пять сборников, а именно: три сборника, носящие имена «Майя: Восхваление земли», «Электра» и «Алкиона», в 1903 г. (работа над ними была начата в 1896 г.), четвертый сборник Плеяды «Меропа» только в 1912 г. (он вызван патриотическим подъемом в связи с начавшейся в 1911 г. итало-турецкой войной), а также сборник «Астеропа», включенный в качестве пятой части «Восхвалений» уже после смерти поэта³¹. Сборник (вернее, поэма) «Майя: Восхваление земли» представляет собой мифологизированный рассказ Д'Аннунцио о его путешествии в Грецию в июле-августе 1895 г. вместе с друзьями на яхте «Фантазия». Главный герой поэмы – сам поэт, который представлен в образе Одиссея-Улисса, а путешествие происходит где-то между мифом и реальностью: в Ионическом море поэт встречает Одиссея и совершает то же путешествие, которое совершил некогда гомеровский герой. Повстречав Одиссея и удостоившись чести разделять его путешествие, которое может совершать только избранный, «сверхчеловек», Д'Аннунцио словно отождествляет себя с Одиссеем, а его встреча с гомеровскими местами и воспоминания об Итаке Одиссея естественно переходят таким образом в воспоминания о детстве и родных Д'Аннунцио. Одиссей становится символом желания путешествовать, совершать открытия и познавать все, что только можно познать. «Майя» написана в духе восхваления природы («паннизм») и жизненной энергии (витализм: отсюда латинский подзаголовок поэмы *Laus Vitae* – «Восхваление жизни») с сильнейшими реминисценциями античной мифологии и истории. Главная тема сборника – совершенный художник, пророк нового мира и новой мифологии, воплощением которого является сам автор.

Вторично Д'Аннунцио посетил Грецию в 1899 г., в этот раз вместе со своей возлюбленной – знаменитой актрисой Элеонорой Дузе³², которую он воспел в романе «Пламя». Отметим, что тогда же Д'Аннунцио написал свою первую драму «Мертвый город». Роль одной из главных героинь этой драмы должна была играть Э. Дузе, однако эта роль в итоге была отдана сопернице Элеоноры в театральной славе Сарре Бернар, и это стало причиной разрыва Элеоноры с Д'Аннунцио. Реальный «мертвый город», представленный в драме Д'Аннунцио, – относительно недавно раскопанные Микены, образующие атмосферу

³¹ Этот сборник был в действительности опубликован в 1933 г. и связан с событиями Первой мировой войны и послевоенными событиями (в том числе с событиями в Фьюме), выражая милитаристские и националистические воззрения поэта: неслучайно его подлинное название «*Canti della guerra latina*» («Песни о латинской войне»).

³² Lavagnini V. *Alle fonti della Pisanella ovvero D'Annunzio e la Grecia Moderna*. Palermo: G.V. Palumbo, 1942; Παύλου Νιρβάνα. *Φιλολογικά Απομνημονεύματα*. Αθήνα (δ.χ.), σ. 141–145.

драмы, а отрывки из «Антигоны» Софокла и «Агамемнона» Эсхила еще более усиливают античный колорит. Поклонник Фр. Ницше, Д' Аннунцио случайно избрал местом действия своей первой драмы Грецию, а временем действия – античность: тем самым он как бы воплощает в жизнь знаменитый ницшеанский трактат «Рождение трагедии из духа музыки» (1872), появившийся на свет во время археологического открытия Микен.

В такой же перенесенной в современность атмосфере античности Греции описано и первое прибытие Д' Аннунцио в Грецию, когда он сам становится Одиссеем.

В заключение нашего введения к стихам Д' Аннунцио об Одиссее отметим, что «Восхваления» итальянского поэта созданы в атмосфере того же мировосприятия (преимущественно ницшеанского), которое характерно в целом для эпохи встречи XIX и XX веков – атмосферы, ставшей также питательной средой для эпоса Н. Казандзакиса. С другой стороны, взвинченность разочарования и отчаяния, значительное усиление чувства трагизма у Н. Казандзакиса контрастны горделивому и радостно-приподнятому витализму Д' Аннунцио: не будем забывать, что между Одиссеем Д' Аннунцио и эпическим Одиссеем Н. Казандзакиса лежит мировая война и революция в России с ее сильнейшими послевоенными отголосками в Западной Европе.

* * *

«Эпический герой создается не из чтения текстов: его корни в бытии, а питается он тем, что пережито поэтом. Происхождение нового Одиссея следует искать не столько в старых его воплощениях, сколько в самом “Характере”, который мы старались распознать в условиях нашего времени. И, действительно, в типе нового Одиссея есть некоторые черты, принадлежащие исключительно нашей эпохе»³³.

Читатель, конечно же, обратил внимание, что при рассмотрении эпоса Н. Казандзакиса мы очень часто обращались к работе его ученика, друга и названного брата П. Превелакиса «Поэт и поэма “Одиссеи”», которая является не только филологическим и биографическим исследованием, но и своего рода художественным произведением (даже не романом-биографией). Мировоззренческая среда, в которой был создан и которую отображает эпос Н. Казандзакиса как произведение переходной эпохи встречи веков, в принципе идентична той среде, в которой создана и поэма Д' Аннунцио. Именно поэтому во вступлении к стихам Д' Аннунцио мы решили провести некий как бы эксперимент: знакомясь со стихами Д' Аннунцио об Одиссее, читатель увидит,

³³ Превελάκης Π. *Ο Ποιητής*, σελ.101.

насколько хорошо согласуется с ними большая часть того, что сказано об эпосе Н. Казандзакиса.

Перевод выполнен по изданию: Gabriele D'Annunzio. *Laudi del cielo, del mare, della terra e degli eroi*. Milano: Fratelli Treves Editori, 1908; Libro primo: *Maia – Laus vitae*. (1903). Оттуда же взята и нумерация стихов³⁴.

IV. ОДИССЕЙ

Словно возвращается изгнанник
снова в отчий край с чужбины дальней,
и легко бежит корабль по морю,
сердце обновленное пылает,
а волна, пред кораблем вздымаясь,
разгоняет все его печали,
зеленея полосой протяжной, (616)

так и я тогда, подняв мой парус,
вышел в море с верными друзьями.
Было это летом на рассвете,
ветер дул: на бреге апулийском,
видел я, как до сих пор стремится
в выси неба римская колонна.
Я в Элладу свой корабль направил – (623)

в край, который некогда изваян
дланью бога среди потоков света
и среди глубин морской лазури.
Образ сей тогда возник прекрасный,
людям зреть который позволяет
нерушимые законы Силы
совершенной. Там мы встретили Героя: (630)

встретили того, кого латины
называют именем Улисса,

³⁴ В основу итальянского оригинала положен септенарий (семисложник), однако иногда усекаемый до пятисложника, а иногда удлиняемый рядом слогов. «Идя в ногу со временем», Д'Аннунцио разбивает привычные метрические схемы, так что можно сказать, что размер оригинала вольный: это достаточно емкий и поэтичный «белый стих», тогда как русский перевод выдержан строго в пятистопном нерифмованном хорее. Изменение стихотворного размера довольно часто допускается в поэтических переводах с «новых» языков. Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Триандафилиди, взявшему на себя труд ознакомиться с переводом и сопровождающей его вступительной статьей.

в море у Левкады, где утесы
рыжие и белые нависли
над прожорливым водоворотом
подле острова, что весь из жестких
состоит костей несокрушимых. (637)

Поясом одним лишь серебристым
опоясан остров. Крутобоким
управлял он кораблем, сжимая
крепко шкот в своей могучей длани.
За ветрами буйными следил он
Молчаливо. Закругленной шапкой³⁵, (644)

головным убором мореходов,
волосы седые были скрыты,
а хитон спускался до колена
крепкого. Глаза его бросали
острый взгляд, и бдительная сила
бодро затаилась в каждой мышце –
сила полного отвагой сердца. (651)

Медь тогда треножников тяжелых
и котлов роскошных закругленных
там под деревянными скамьями
не сияла (не было подарков
от царя феаков Алкиноя).
Не было плаща и одеяний,
чтобы постелить для сна помягче, (658)
мог Герой и отдыху предаться.

Только лук он взял тогда с собою,
лук, оружие радостного мщенья,
из рогов разлогих и с тугою
тетивой, которая звенела,
словно ласточка, в тот день, вещая, (665)
что жених сражен стрелою в горло³⁶.
Только с луком он на чернобоком

³⁵ *закругленной шапкой*: Речь идет о головном уборе моряков в античности, хорошо представленном в памятниках изобразительного искусства.

³⁶ Одиссея XXI, 410–411: «Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею / Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе». Здесь и далее «Одиссея» Гомера цитируется в переводе В.А. Жуковского.

корабле пустился вдаль от дома
с кровлею высокой, где шумели
ткацкие станки, свершать деянья,
предопределенные судьбою,
вопреки безжалостному Морю. (672)

«Сын Лаэрта!» – мы к нему воззвали,
и сердца в груди у нас взметнулись,
как в груди идейских корибантов*,
доблести свирепой исполняясь,
и пылала яростная печень³⁷:
«Царь Мужей, могучий низвергатель
крепостей, исплававший заливы (679)

все на свете, путь куда ты держишь
и к каким опасностям чудесным
ты ведешь теперь корабль свой черный?
Люди мы свободные: как держишь
корабельный шкот могучей дланью,
так и нашу жизнь мы держим крепко:
и расстаться с нею мы готовы, (686)
и удерживать ее, как прежде.

Если же царя мы пожелаем,
только под твоей хотим быть властью,
ибо тысячи путей ты знаешь.
Так возьми же на корабль к себе нас:
будем мы верны тебе до смерти!»
Даже взгляда нас не удостоил, (693)

словно дети глупые шумели:
и не повернул главу седую...
Крылышко затрепетало только
алое на мореходной шапке
у щеки, иссушенной под ветром,
где страданья многие и время
лик морщин почтенных бороздами (700)
покрывали. «Внемли!» – тут я крикнул,
голоса друзей перекрывая,

³⁷ и пылала яростная печень: В античности печень считали вместилищем отваги.

«Внемли мне, Владыка бурь свирепых!
Знай, что среди них я – самый сильный!
Ты меня подвергни испытанию:
если натяну твой лук огромный,
равным ты меня возьмешь с собою. (707)

Если ж не осилю, обнаженным
к носу корабля прибьешь гвоздями».
Повернулся он и без презренья
глянул на юнца, что горделиво,
громко так кричал ему сквозь ветер:
молния, из глаз его взметнувшись,
прямо мне в чело тогда вонзилась. (714)

Шкот он под порыв направил ветра...
Стоя рядом, молча мы смотрели:
в блеске Ионического моря
удалялся тихо царский парус.
С милыми друзьями мое сердце
навсегда тогда же распрощалось.
Вверх они свои подняли лица, (721)

не поверив, что неотвратимость
опускается на них из высей
беспощадная, а я в молчанье
в стороне держался одиноко:
навсегда я одинок на Море,
на себя и только полагаясь.
Человек, не верил я в иную (728)

доблесть – только в ту, что непреклонна,
в сердце, обладающее силой.
Только в самого себя я верил,
лишь в свое я верил начертанье.
Рассужденья, блещущие искры
Действия! Накал железа яркий,
красота суровой наковальни! (735)

Я смотрел на остров подле Самы³⁸,
темнотою кипарисов скрытый, –

³⁸ Сама (= Зам) – один из островов возле Итаки. Одиссея, IX, 24–25: «Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом / Западе плоско лежит окруженная морем Итака».

на Итаку с каменистым лоном*,
 на Нерит суровый, обнаженный,
 на убогую смотрел отчизну
 непоколебимой этой Силы.
 И, смотря туда, я видел кровлю (742)
 крепкую, внизу – порог изящный,
 комнаты, очищенные серным
 воскурением от всякой хвори;³⁹
 в красных поясах служанок видел:
 чистили они столы и стулья
 губками со множеством отверстий,
 веретена круглые вращали, (749)
 занимались и чесаньем шерсти
 там с кормилицей неспешной рядом –
 с Евриклеей, что быков уж двадцать (752)
 стоила⁴⁰. Я видел Евриному-
 ключницу⁴¹, и Фемия-певца, в саду же,
 окруженном сливами, – Лаэрта:⁴²
 он крепил в земле кривой кустарник⁴³. (756)

Дочь Икария следила зорко,
 как гусиное клевало стадо
 с шумным гоготаньем из кормушки
 светлое зерно, но не явился
 горный вдруг орел, дабы беспечным
 птицам разорвать когтями шею,
 как случилось в древнем сновиденье⁴⁴. (763)

³⁹ Одиссея, XXII, 480–482: «Тут Одиссей, обратясь к Евриклее, сказал ей: “Немедля, / Няня, огня принеси и подай очистительной серы; / Залу нам должно скорей окурить”»...; 491–495: «”Прежде всего мне огня для куренья подай, Евриклея”. / Волю его исполняя, пошла Евриклея и скоро / С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал / Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный / Двор...».

⁴⁰ Одиссея I, 424–427: «Факел зажженный неся, перед ним *с осторожным усердьем* / Шла Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса; / Куплена в летах цветущих Лаэртом она – заплатил он / Двадцать быков...».

⁴¹ Одиссея XVII, 495 и др.: «Евринома, разумная ключница...».

⁴² Одиссея XXIV, 207 слл. – описание сада Лаэрта.

⁴³ Одиссея XXIV, 226–227: «Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный / Встретил; он там подчищал деревцо...».

⁴⁴ См. Одиссея, XIX, 535–541: «Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты; / Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей; / Видеть люблю, как они,

Но просторное супружье ложе,
из ствола единого маслины
смастеренное рукой супруга
и гвоздями серебряными прочно
с пнем сочтенное, его взрастившим
(корни крепкие тот пень обняли
и в земле держали нерушимо), (770)
долго ждало ложе Одиссея,
некогда покинутое: бычьей
так покрыто оставалось ложе,
как во времена былые, шкурой,
молью изъедаемо упорной⁴⁵.
«Если б бог какой меня восхитил!
Кинфия, меня срази стрелой!» (777)

В безутешной скорби горевала
непорочная супруга. К дому,
шумному от женихов крикливых,
от пирушек, от веселых плясок,
по-другому мысли возвращались
неожиданно во грустном сердце.
Иногда нежданно вдруг обиду (784)
вредоносную в ней пробуждала
непреклонность двух десятилетий.
И была великая царица
схожею с обычною служанкой,
коль слова такие изрекала:
«Если б я себе в мужа избрала
среди женихов, кто всех богатством (791)
и могучей силой превосходит –
Эвримаха ль, что рожден Полибом,
Антиноя ли, что сын Эврита,
вместе с ним тогда б я удалилась
в доме жить другом: так было б лучше,
дождаться чем того, кто ложем

на воде полоскаясь, играют. / Снилось мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
/ Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой / Мертвые были они
на полу все разбросаны; сам же / В небо умчался орел...».

⁴⁵ См. Одиссея, XXIII, 189–203.

брачным палубу считает, пояс,
из волны сочтенный, разрешая!⁴⁶ (798)

Добродетельный сын Одиссея
Телемах со своего престола,
восседая там на мягких шкурах,
отдавал приказы свинопасам.
Жиром бледным (круг такого жира
женихам принес пастух Меланфий
со скамьей и шкурами, а также (805)

с углями, чтоб разогреть и смазать
для смягченья тетиву на луке
в день, когда свершилось избиенье)⁴⁷,
жиром грузным обрастал беспечно
на боках, на брюхе и на шее
Одиссея сын благоразумный.
Разделял благоразумный ложе (812)

с мягкойю прекрасною постелью⁴⁸,
вместе со служанкою цветущей.
Безбородым юношею в Спарте
он гостил, Елены зрел сиянье:
от Елены в дар прекрасный пеплос⁴⁹
взяв, напиток пил скорбеуемый⁵⁰

⁴⁶ *Пояс ... разрешая* (a sciogliervi il cinto) – греческая эпическая формула: Одиссея XXI, 245: «Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши».

⁴⁷ Одиссея XXI, 176–185: «"Слушай, Меланфий, – сказал, – здесь огонь ты разложишь; к огню же / Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку; / Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы / Им, на огне здесь его разогрехши, помазывать крепкий / Лук Одиссеев: тогда он удобней натянута быть может". / Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий, / Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной; / Сала принес напоследок укруг; и, раставяши сало, / Начали мазать им лук женихи; но из них некоторый / Лука не мог и немного погнуть – несказанно был туг он».

⁴⁸ Одиссея IV, 296–299: «... Елена велела немедля рабыням / В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати, / Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же / Мягким покровом для тела косматые мантии бросить...».

⁴⁹ Одиссея IV, 296–301: «Светло-образная, с пестрым пришедши / Платьем, Елена его позвала и, сказала: "Одежду /. Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты / Помнил"...».

⁵⁰ Одиссея IV, 220–224: «В чаши она круговые подлить вознамерилась соку, / Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью / Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным / Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать, / Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил». Д' Аннунцио употребляет слово il nepente,

за ее столом гостеприимным. (819)

«Против маяков и мглы туманной⁵¹,
и самих богов, что вечно суши,
также против всяких Сил могучих
против тех, что видят и не видят,
против говорящих и молчащих
мне всегда приходится сражаться –
и умом сражаться, и руками, (826)

на земле – копьем, веслом – на море,
направляя стрелы и кормило,
чтоб росла и ширилась безмерно
у меня душа, хотя я смертен,
за людей, которые не могут
отгореть в трудах времен пожаром.
Лишь одну награду я желаю (833)

от тебя принять, Победа-Дева⁵²:
всю Вселенную – другой не нужно!
Получить ее лишь согласится
Одиссей, из рук твоих приема:
в действии себе он смерти просит».
Вот какие мысли возникали (840)
у царя на море среди мрака.

О, Итака, остров скал суровых!⁵³
Тень, которую ты простирала
в час, когда уже садилось солнце,
для души моей такой была ты,

пришедшее в итальянский из «Одиссеи». В ботанике под названием «непéнтес», или кувши́ночник (лат. *Nepenthes*) известен род хищных растений монотипного семейства непéнтовые (*Nepenthesae*). Большинство представителей рода произрастает в регионе южных морей, который охватывает тропическую Азию, доходя на западе до Сейшельских островов и Мадагаскара, а на востоке — до Новой Гвинеи, Северной Австралии и Новой Каледонии.

⁵¹ Здесь возможна аллюзия к легенде о Навплии – царе-основателе города Навплия (ныне Навплион), сыне Посейдона и отце Паламеда (оба они – враги Одиссея). Мстя возвращавшимся из-под Трои ахейцам за Паламеда, казненного ахейцами по наущению Одиссея, Навплий устраивал маяки на скалах, о которые разбивались плывущие в темноте на огонь корабли.

⁵² Дева-Победа (*vergine Nike*), по-видимому, тождественна Деве Афине, покровительнице Одиссея, или во всяком случае близка ей.

⁵³ Одиссея IX, 27: «Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает»; XI, 480; XV, 36.

как для сына скорбной nereиды
омовение в стигийских водах!
Без движения застыл уж воздух... (847)

Вот уже в изгибах звучных Самы
гул совсем затих, напоминая
то молчание, когда в витую
раковину бог уж прекращает
посылать дыханье с губ соленых⁵⁴.
Схожие с сариссами⁵⁵ из бронзы,
что в скалу приморскую вонзились, (854)

кипарисы, плачущие скорбно,
сетованья горькие прервали,
изготовившись поранить тело.
Показались уж Закинф лазурный⁵⁶
вдалеке Киллена⁵⁷ и суровый
берег, что хищением обильным
кормит Ахелой, свирепый нравом⁵⁸. (861)

Дым я сладостный тогда увидел,
восходивший средь дерев масличных:
их листва своим венком победным
увенчала сей скалистый остров⁵⁹.
Сладость я почувствовал на сердце:
по крови моей вдруг пробежала
мысль о матери моей далекой, (868)
мысли о моих любимых сестрах

⁵⁴ Речь идет о морском боге Тритоне с возможной аллюзией к «Метаморфозам» Овидия (I, 335–336), где Тритон по велению Посейдона успокаивает волнение на море, дую в «пустую трубу завитую» (*cava bucina ... tortilis*).

⁵⁵ Сарисса – слово македонского диалекта, обозначающее длинное копьё. Использование удлиненных сарисс явилось важным элементом в создании знаменитой македонской фаланги при Филиппе Македонском.

⁵⁶ «Закинф лазурный» (*la glauca Zacinto*) – IX, 24:) и «лесом богатый Закинф»; то же в XVI, 123.

⁵⁷ Киллена – гора в Аркадии, на границе с Ахайей (северо-западный Пелопоннес).

⁵⁸ Ахелой – река в Акарнании, на северо-западе Греции (см. Овидий, *Метаморфозы*, VIII, 547). Гомер (*Одиссея*, XV, 427) называет тафиев разбойниками.

⁵⁹ Ср. *baciò la sua petrosa Itaca Ulisse* («Целовал Улисс свою скалистую Итаку») – стихотворение У. Фосколо «К Закинфу» (1802–1803).

и об очаге под кровом отчим.
Мне река прекрасная явилась,
где рожден я от корней сабельских⁶⁰.

Информация об авторе

Олег Павлович Цыбенко
кандидат исторических наук
член союза писателей Е.ПО.Σ (Греция)
и Союза писателей Москвы (Россия)
независимый исследователь
Афины, Греция
E-mail: athenaios@mail.ru

Information about the author

Oleg P. Tsybenko
PhD in History
Member of Union of Writers E.Π.Σ
(Greece) and Union of Writers of
Moscow (Russia)
Independent researcher, Athens, Greece
E-mail: athenaios@mail.ru

⁶⁰ Сабеллы (Sabelli) – италийские племена, родственные сабинянам и самнитам, проживавшие на территории между Лацием и Пиценом (совр. Аbruццо).

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	Вестник древней истории. Москва
FGrHist Jacoby Manetho	Die Fragmente der griechischer Historiker. Berlin; Leiden, 1923–1958. фрагменты Манефона Севеннитского по изданию: Waddell W.G. (ed.) Manetho (Loeb Classical Library 350). Cambridge (Massachusetts); London, 1964.
OLD	Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
PCPS	Proceedings of the Cambridge Philological Society, Cambridge.
TAM	Tituli Asiae Minoris. Vindobona.
TLL	Thesaurus Linguae Latinae. Lipsiae, 1900–2010.